

ЯНА ЛИХАЧЕВА

САД СНОВ

Яна Лихачева

Сад снов

<https://litres.ru/74055233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нора — успешный клинический психолог. Однажды утром она находит на подоконнике молочные зубы, пучок полыни и кусок сосновой коры с вырезанными символами. А ночью её правая рука выводит в блокноте слова, которых Нора не помнит. Почерк детский. Подпись — «Лиза».

Расследование приводит её в элитный пансионат «Тихая заводь». Директор — женщина с серебряными волосами и обаятельной улыбкой по имени Пташка. Она утверждает: внутри Норы живут другие. Лиза — Защитник. Нора — Жертва. И Хищник, который ищет дорогу домой.

Но когда Нора находит дневники 1989 года, правда оказывается страшнее. Потому что иногда диссоциативное расстройство — это не раскол личности. Иногда это двое, которые должны были родиться по отдельности, но оказались заперты в одном теле.

Содержание

Глава 1. Словона коре	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сад снов

Глава 1. Слово на коре

Запах разбудил её раньше, чем свет.

Он просочился в сон, как вода в бумагу, — сладковатый, гнилостный, с металлическим оттенком, какой бывает у переспелых яблок, упавших в мокрую траву и никем не собранных. Нора открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок, не узнавая собственной спальни. Серые стены, льняные шторы, картина с размытой абстракцией над изголовьем — всё было на своих местах, но воздух стал чужим.

Она медленно села, стараясь не разбудить Джейка. Муж спал, отвернувшись к стене, одеяло сползло до пояса, обнажая загорелые плечи. Часы на тумбочке показывали 6:47. Обычное утро. Почти обычное.

Запах усилился, когда она откинула одеяло.

Нора опустила взгляд на свои руки.

Пальцы были в грязи. Чёрная, маслянистая субстанция забила под каждый ноготь, засохла в складках костяшек, тонкой плёнкой покрыла ладони. Это не была земля из сада за домом — та была рыжей, глинистой. Эта грязь пахла болотом: стоячей водой, тиной, чем-то разлагающимся глубоко-

ко подо мхом.

И яблоками. Гнилыми яблоками.

Первая мысль — профессиональная, отстранённая, почти чужая — всплыла сама собой: «Сомнамбулический эпизод. Лунатизм». Нора ухватилась за неё, как утопающий за край лодки. Она была психологом, хорошим психологом, и знала: у всего есть рациональное объяснение. Стресс, переутомление, новая дозировка снотворного, которое она начала принимать две недели назад.

— Ты уже встала?

Голос Джейка, хриплый со сна, прозвучал как выстрел. Нора вздрогнула и инстинктивно сжала пальцы в кулаки, пряча грязь.

— Ещё нет. Спи.

Он что-то пробормотал и снова провалился в сон. Она выдохнула — медленно, на счёт «четыре-семь-восемь», как учила пациентов. Техника заземления. Вернись в реальность. Вдох. Задержка. Выдох.

Именно тогда она заметила подоконник.

Предметы лежали на белом мраморе аккуратно, почти церемонно — так раскладывают инструменты перед операцией или дары перед алтарём.

Четыре молочных зуба. Маленькие, желтоватые, с тёмными точками старых пломб в двух из них. Нора взяла один двумя пальцами, поднесла к свету. На корне запеклась бурая

капля. Кровь. Не её — она проверила дёсны языком, все зубы на месте.

Рядом с зубами лежал пучок сухой травы. Полынь — она узнала горьковатый запах, тот самый, что всегда вызывал у неё смутную тревогу без причины. Стебли были перетянуты чёрной ниткой, завязанной на три узла.

И последний предмет — кусок коры. Грубый, неровный, размером с ладонь. Сосна, судя по текстуре. На внутренней стороне были вырезаны символы: схематичные глаза, треугольники, вписанные один в другой, и что-то похожее на птичий след — три линии, расходящиеся из одной точки.

Нора смотрела на натюрморт целую минуту, прежде чем осознала, что не дышит. Воздух в лёгких закончился, грудь сдавило, но тело забыло, как делать вдох. Она заставила себя вдохнуть через рот. Медленно. На счёт.

«Кто-то проник в дом. Кто-то был здесь, пока мы спали».

Эта мысль была правильной. Логичной. Она требовала действий: разбудить Джейка, проверить замки, вызвать полицию, снять отпечатки, ничего не трогать, сохранить улики.

Вместо этого Нора сгребла всё в охапку и выбросила в мусорное ведро на кухне.

Она сделала это быстро, почти неосознанно, как будто чужая воля дёрнула за ниточки её рук. Зубы глухо стукнули о дно ведра. Полынь рассыпалась, оставив на пальцах сухую крошку. Кора легла сверху, прикрыв остальное.

Нора вымыла руки трижды. Сначала — обычным мылом.

Потом — жёстким антибактериальным, от которого защипало кожу. Затем — средством для мытья посуды, с лимонным запахом, который должен был перебить всё остальное.

Не перебил.

Запах болота остался. Он въелся в поры, закрепился под ногтями, тонкой взвесью висел в воздухе, хотя она распахнула окно настежь, впуская октябрьский холод.

Нора стояла у раковины и смотрела на свои руки — красные, распаренные, дрожащие. Чистые. Абсолютно чистые.

— Ты чего так рано? — Джейк появился на пороге кухни, протирая глаза. Высокий, тёплый, с ямочкой на подбородке. Он обнял её со спины, уткнулся носом в затылок. — Ты опять ворочалась всю ночь.

— Я спала как младенец, — сказала она. Голос прозвучал ровно.

Ложь далась легко. Слишком легко.

День прошёл как под стеклом.

Приём за приёмом — пациенты с их тревогами, депрессиями, паническими атаками и обсессивно-компульсивными ритуалами. Нора слушала, кивала, задавала правильные вопросы. Её руки лежали на подлокотниках кресла — спокойные, чистые, чужие. Запах болота исчез к полудню, растворился в кондиционированном воздухе кабинета, и она почти убедила себя, что утро было сном.

Почти.

В три часа дня, во время сессии с пациентом — мужчина сорока двух лет, генерализованное тревожное расстройство, третий месяц терапии, — Нора поймала себя на том, что её правая рука живёт отдельной жизнью. Пальцы сжимали ручку и выводили в блокноте символы. Те самые, с коры. Глаза, треугольники, птичий след.

Она замерла на полуслове. Пациент замолчал, глядя на неё с недоумением:

— Доктор Нора? С вами всё в порядке?

— Да, — она медленно, очень медленно закрыла блокнот. — Продолжайте, пожалуйста. Вы говорили о конфликте с начальником.

Рука не дрожала. Она спокойно легла на стол, как примерный ребёнок, который только что разбил вазу и теперь изображает невинность.

Нора не смотрела на блокнот до конца сессии. А когда пациент ушёл и она открыла его — символы никуда не делись. Девять строк, исписанных убористым, незнакомым почерком. Слишком ровным для обычной скорописи. Слишком взрослым для детского, но слишком детским для взрослого.

Она вырвала страницу и порвала на мелкие кусочки. Выбросила в измельчитель бумаг под столом. Машина загудела, перемалывая улики.

Нора смотрела на вращающиеся лезвия и впервые за день позволила себе подумать: «Я теряю контроль».

Вечером они ужинали вдвоём. Джейк приготовил пасту с грибами — его коронное блюдо, единственное, которое он умел готовить без рецепта. Он рассказывал о новом проекте: реставрация старого особняка на окраине Берлингтона, интересные детали фасада, проблемы с фундаментом. Нора слушала, кивала, улыбалась в нужных местах. Её вилка двигалась от тарелки ко рту и обратно. Еда была безвкусной.

— Ты сегодня где-то не здесь, — Джейк накрыл её ладонь своей. — Всё нормально?

— Устала. Много пациентов.

— Может, возьмёшь отпуск? У тебя не было нормального отдыха с прошлого года.

— Может быть.

Она снова солгала. И снова — слишком легко.

Ночью Нора лежала в темноте и смотрела в потолок. Джейк давно уснул — его дыхание было ровным и глубоким, как прибой. Она завидовала этой способности: закрыть глаза и просто выключиться. Её собственный мозг отказывался отключаться, прокручивая детали утра снова и снова.

Зубы. Четыре молочных зуба. Чьи? Откуда? Стоматологический справочник в её голове автоматически выдал: первые моляры, возраст выпадения — девять-одиннадцать лет. Пломбы старые, советские или ранние постсоветские. Дети, которым ставили такие пломбы, сейчас были бы взрослыми.

«Кому принадлежали эти зубы? И как они оказались на

моём подоконнике?»

Вопросы множились, как трещины на стекле. Нора повернулась на бок, потом на другой. Одеядло сбилосъ. Подушка стала горячей и неудобной.

А потом вернулся запах.

Он появился не с улицы — окна были закрыты. Он возник прямо в спальне, как будто кто-то невидимый стоял у изголовья и дышал ей в лицо: сладкий, гнилостный, с металлическим оттенком. Яблоки. Болото. Тина.

Нора села в постели. Сердце колотилось где-то в горле.

Запах усилился. Он тянул её, как верёвка, привязанная к солнечному сплетению. Идти. Проверить. Убедиться.

Она спустила ноги на пол. Босые ступни коснулись холодного дерева. Джейк не проснулся.

Кухня встретила её тишиной и синим светом дежурной лампочки над плитой. Мусорное ведро стояло у шкафа — простое, стальное, с педалью. Нора нажала на педаль. Крышка поднялась с тихим скрежетом.

Зубы лежали на самом верху, среди кофейной гущи и яичной скорлупы. Полынь рассыпалась в труху. Кора ушла на дно.

Нора не хотела её доставать. Каждая клетка тела кричала: «Закрой ведро. Вернись в постель. Забудь». Но правая рука — опять она — уже нырнула в мусор, нащупала шершавый край, вытащила кору наружу.

Горячая вода из крана. Мыло. Она тёрла кору пальцами,

смывая грязь и кофе, пока не проступила чистая древесина. Символы стали видны отчётливо: глаза, треугольники, птичий след. А под ними — ещё один ряд знаков, которые она не заметила утром. Они были вырезаны глубже, грубее, как будто другим инструментом и другой рукой.

Символы складывались в слово.

Нора держала кору под светом лампы. Вода капала с пальцев на пол. Она смотрела на вырезанные буквы — четыре буквы, простых, знакомых с детства, — и не могла их прочесть. Её мозг отказывался их узнавать, выстраивал баррикаду из отрицания, но губы уже шевелились беззвучно, складывая звуки один к одному:

— Ли... за.

Свет на кухне моргнул.

Нора подняла глаза. Окно над раковиной отражало кухню: плиту, шкафы, женщину с корой в руках. Её собственное лицо смотрело на неё из стекла — бледное, осунувшееся, с тёмными кругами под глазами.

Отражение моргнуло на долю секунды позже неё.

Она замерла. Отражение — тоже.

Она медленно подняла руку. Отражение повторило движение — но не сразу. С задержкой. На одну десятую долю секунды. На одно биение сердца.

Свет моргнул снова. И в этой вспышке тьмы Норе показалось — показалось, нет, почудилось, нет, она готова была поклясться, — что отражение улыбнулось. Само по себе. Без

её участия.

— Лиза, — прошептала она, и на этот раз это был не вопрос.

Свет погас окончательно. Кухня погрузилась в темноту.

В темноте пахло гнилыми яблоками.

В темноте кто-то дышал — не Джейк, не она сама, кто-то третий.

В темноте на мокрой от воды коре проступили — сами собой, как фотография в проявителе — ещё четыре буквы, которых она не видела раньше. Они складывались во второе слово.

Когда свет зажётся снова — сам, б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.